Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-188-196
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

МАРКОВ Р.С.,
и.о.
заведующего кафедрой музыкальной подготовки и социокультурных проектов Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат юридических наук,
e-mail: gpd@lspu-lipetsk.ru

ШАТУРИНА Н.А.,
преподаватель кафедры «Уголовное право, процесс и криминалистика» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал),
e-mail: anica6@yandex.ru

РЫЖКОВА М.К.,
преподаватель СПО кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: gpd@lspu-lipetsk.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАВАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Исследуются основания правовой охраны и использования музыкальных произведений, создаваемых с применением искусственного интеллекта. Разграничиваются их охраноспособность, правомерность использования исходных материалов и договорные условия введения в гражданский оборот. Предлагается различать простое и квалифицированное формирование запросов к системе искусственного интеллекта, причем во втором случае обосновывается возможность признания авторства, если творческие решения человека получают объективное выражение в музыкальной форме результата. Рассматриваются смежные права, обучение моделей на охраняемых материалах, синтез голоса и распространение записей. Предлагается воздерживаться от введения специального регулирования нейромузыки при сохранении общих гарантий интеллектуальных прав. Определяется доказательственное значение добровольной фиксации творческого вклада человека.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейромузыка, музыкальное произведение, авторское право, смежные права, фонограмма, синтезированный голос, лицензионный договор, гражданский оборот.*

Для цитирования: *Марков Р. С., Шатурина Н. А., Рыжкова М. К. Правовой режим музыкальных произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта // Право и управление. 2026. № 10. С. 188–196.*

MARKOV R.S.,
Acting Head of the Department of Musical Training and Sociocultural Projects of Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University, PhD in Law

SHATURINA N.A.,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

RYZHKOVA M.K.,
Lecturer in Secondary Vocational Education at the Department of State and Legal Disciplines of Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University

THE LEGAL REGIME OF MUSICAL WORKS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article examines the legal protection and use of musical outputs created with artificial intelligence. It distinguishes their copyrightability, the lawful use of source materials, and the contractual conditions governing their commercial use. The distinction between basic and qualified prompting supports the argument that the latter may justify recognition of authorship where human creative choices are objectively expressed in the musical form of the output. The article also addresses related rights, model training using protected materials, voice synthesis, and the distribution of recordings. It advocates restraint in introducing special regulation of AI-assisted music while maintaining general intellectual property safeguards. The evidentiary significance of voluntary documentation of human creative contributions is considered.*

Key words: *artificial intelligence, AI-generated music, musical work, copyright, related rights, phonogram, synthetic voice, licensing agreement, commercial use.*

For citation: *Markov R. S., Shaturina N. A., Ryzhkova M. K. The legal regime of musical works created using artificial intelligence. Law and administration. 2026;(10):188–196. (In Russ.).*

Введение

При правовой оценке музыки, создаваемой с использованием искусственного интеллекта, необходимо определить круг объектов интеллектуальных прав и принадлежность этих прав. Звуковая запись может содержать музыкальное произведение, текст песни и исполнение, а сама запись при наличии предусмотренных законом условий подлежит охране как фонограмма. Степень участия человека в создании каждого из этих объектов может различаться. Само обозначение записи как созданной с использованием нейросети не позволяет установить её правовую природу, поэтому необходимо исследовать творческий вклад участников, обстоятельства первоначальной фиксации звуков и договорные основания использования результата. В исследованиях применения искусственного интеллекта в музыкальной сфере правовые вопросы рассматриваются с учётом особенностей создания и записи музыки. Пример Folk-RNN показывает, что получение нотного материала, редактирование, исполнение и запись могут осуществляться различными лицами и требуют самостоятельной оценки. Отмечается опасность возложения несоразмерных обязанностей по учету технологических особенностей [1, с. 4–5, 7–9]. Нейромузыка расширяет возможности творчества, в т.ч. для лиц, не располагающих средствами для организации исполнения и звукозаписи. Художественные достоинства результата не определяют его охраноспособность. В исследованиях сервисов типа Suno обучение моделей, генерация и распространение музыки рассматриваются как взаимосвязанные стадии, предполагающие предупреждение нарушений и сохранение сведений о материалах [2]. Выделение этих стадий само по себе не обосновывает дополнительных обязанностей на каждой из них, но позволяет разграничить охраноспособность результата, правомерность его создания и использования, договорные условия введения в оборот.

Цель статьи – определить основания частноправовой квалификации таких результатов и пределы регулирования их создания и оборота. Исследование проведено с применением формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов, позволяющих отделить действующие требования от предложений по их развитию. В основу квалификации положены характер участия человека и связь его творческих решений с результатом. В статье под генеративной музыкой (нейромузыкой) понимаются музыкальные материалы и звуковые записи, при создании или преобразовании которых существенную роль играет генеративный искусственный интеллект.

Нейромузыка не рассматривается в качестве самостоятельного объекта интеллектуальных прав.

Творческий вклад человека как основание авторско-правовой охраны

Согласно ст. 1228 и ст. 1257 Гражданского кодекса РФ, автором признается гражданин, творческим трудом которого создан результат. В п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что использование технических средств не исключает творческого характера деятельности, однако результаты, полученные при отсутствии человеческого творчества, авторским правом не охраняются. Отсутствие новизны, уникальности или оригинальности само по себе не опровергает творческого характера труда. Следовательно, использование нейросети требует оценки участия человека в создании конкретного результата.

В доктрине различаются автономия воли субъекта права и автономность технической системы. Выполнение задач при ограниченном вмешательстве пользователя не предполагает собственных целей и интересов, с которыми связывается правосубъектность [3, с. 127–131]. Отсутствие у системы статуса автора не исключает творческого труда человека, а автоматизация создания музыки сама по себе не доказывает его отсутствия. Кроме того, права на фонограмму возникают по самостоятельным основаниям. При оценке человеческого участия следует различать вспомогательное использование искусственного интеллекта, соединение авторских и сгенерированных элементов и получение завершенной записи при минимальном участии пользователя. При использовании искусственного интеллекта в качестве вспомогательного средства музыкальный замысел и способы его воплощения определяются творческими решениями человека. При сочетании авторских элементов с материалами, сформированными системой, необходимо установить характер творческого участия человека. При минимальном участии пользователя необходимо выявить действия, выходящие за пределы запуска программы и одобрения результата. Эти способы могут сочетаться, поэтому определяющей остается связь действий лица с музыкальной формой.

В исследовании Т.Ю. Руденко намерение создать произведение, формирование запроса и отбор результата сопоставляются с участием заказчика, а творческий вклад связывается с авторской корректировкой либо использованием ранее созданного произведения [4, с. 126–129]. Такое сопоставление обоснованно для общего задания системе, однако разработка и согласование музыкальных решений в запросах могут выражать творческий труд. По нашему мнению, в этом случае признание авторства не должно безусловно зависеть от ручной доработки либо предварительного создания мелодии вне системы. В этой связи предлагается различать простое формирование запросов, задающее общие характеристики результата, и квалифицированное, предполагающее разработку взаимосвязанных решений о музыкальной форме, гармоническом и ритмическом развитии, взаимодействии партий. Последнее может свидетельствовать о творческом вкладе, если такие решения получили объективное выражение в записи, тогда как специальное образование, количество терминов и длина задания сами по себе этого не подтверждают. Самостоятельная охрана текста запроса также не предрешает принадлежности прав на музыку, поскольку замысел и указания системе могут оставаться на уровне неохраняемых идей.

При анализе европейских критериев охраноспособности предлагается последовательно устанавливать принадлежность результата к сфере науки, литературы или искусства, наличие интеллектуального и творческого вклада человека, а также выражение сделанного им творческого выбора в полученном результате. Рассмотрение решений автора на стадиях замысла, реализации и редактирования [5, с. 1200–1205] делает этот подход полезным для анализа запросов, хотя российским законодательством он прямо не установлен. Требование заранее определить каждую ноту не учитывало бы вариативности музыкального творчества, однако необходимо установить выраженные в результате решения человека, отличая их от общих пожеланий. Охрана конкретной музыкальной формы не создает исключительных прав на жанр, стиль или приемы композиции.

В докладе Бюро авторского права США от 29 января 2025 г. «Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability» запросы пользователя применительно к исследованным технологиям признаны недостаточными для установления авторства в полученном результате. Такой вывод обусловлен недостаточным контролем пользователя над выразительными элементами и сам по себе не опровергается сложностью музыкального задания. При доказуемой связи конкретных творческих решений пользователя с музыкальной формой результата возможность авторской охраны, по нашему мнению, должна оцениваться независимо от способа технического воплощения замысла.

В деле Thaler v. Perlmutter, 130 F.4th 1039 (D.C. Cir. 2025) поддержан отказ в регистрации изображения, единственным автором которого заявлялась система искусственного интеллекта. Суд исходил из необходимости первоначального человеческого авторства, однако по процессу-

альным причинам не разрешил по существу довод об авторстве заявителя вследствие разработки и использования системы. Последующий отказ в пересмотре – cert. denied, No. 25-449 (U.S. Mar. 2, 2026) – также не является разрешением спора по существу. Выводы по результату, заявленному как полностью созданный системой, не могут автоматически распространяться на все случаи ее использования человеком. В российском праве отсутствие музыкального образования или нотной записи не исключает авторства, поскольку ст. 1259 Гражданского кодекса РФ допускает разные формы выражения произведения. Разработчик программы не становится соавтором музыки лишь вследствие предоставления технического средства, т.к. для соавторства в соответствии со ст. 1258 необходим совместный творческий труд, который не заменяют финансирование, организационная и техническая помощь.

Музыкальное произведение, исполнение, фонограмма: разграничение прав

Единство звучащей записи не устраняет самостоятельности ее составляющих: текст может быть написан человеком, музыка – частично сгенерирована, а партии – переработаны аранжировщиком и исполнены музыкантами. Самостоятельная оценка этих элементов совместима с признанием авторства на целое произведение при установлении соответствующего вклада. Предусмотренная п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ охрана части произведения предполагает, что она является самостоятельным результатом творческого труда и выражена в объективной форме, поэтому само по себе техническое выделение фрагмента не свидетельствует о его охраноспособности. Авторство на текст песни не означает авторства на музыку, если участие лица ограничивалось передачей текста системе, как и принадлежность мелодии человеку не делает его автором автоматически сгенерированных слов. При оценке творческой переработки с учетом ст. 1260 Гражданского кодекса РФ следует учитывать возможность возникновения охраняемого результата на основе неохраняемого материала, на который исключительное право вследствие этого не распространяется. Если же перерабатывается охраняемое произведение, самостоятельная охрана переработки не освобождает от соблюдения прав его автора.

В решении Бюро авторского права США от 21 февраля 2023 г. по произведению Zarya of the Dawn разграничены охраняемые текст, подбор и расположение материалов и изображения Midjourney, в отношении которых авторская охрана не признана. Будучи административным решением по регистрационному заявлению, оно не устанавливает судебного правила для музыкальных произведений, но показывает необходимость определения человеческого вклада в составной результат. Его выводы не предрешают оценки квалифицированного формирования музыкальных запросов с учетом возможностей конкретной системы.

Самостоятельное значение имеет правовой режим фонограммы, определяемой подп. 2 п. 1 ст. 1304 Гражданского кодекса РФ как исключительно звуковая запись исполнений, иных звуков или их отображений, кроме звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение. По ст. 1322 того же Кодекса изготовителем признается лицо, принявшее инициативу и ответственность за первую запись. Эти положения позволяют квалифицировать фиксацию сгенерированных звуков как фонограмму без предварительного признания музыки охраняемым произведением. Самостоятельность прав изготовителя закреплена п. 3 ст. 1323 Гражданского кодекса РФ, однако их осуществление требует соблюдения прав на использованные объекты.

При формировании и первоначальной записи звуков средствами музыкального сервиса изготовитель фонограммы определяется по инициативе и ответственности за первую запись конкретных звуков, поэтому само по себе владение оборудованием, оплата доступа к сервису или скачивание файла не позволяют установить, кто является изготовителем фонограммы. Договор помогает установить распределение функций и может предусматривать распоряжение возникшим исключительным правом, но оценивается вместе с фактическими обстоятельствами записи. Копирование готового файла на иной носитель нового первоначального права изготовителя фонограммы не создает. В работе В.О. Калятина предложено ограниченное смежное право организатора получения результата с использованием искусственного интеллекта [6, с. 39–41, 47–48]. Для музыкальных записей его необходимость требует обоснования с учетом существующей охраны фонограммы, которая распространяется на конкретную запись и не препятствует самостоятельной записи той же неохраняемой музыкальной последовательности. Тем самым часть интересов организатора обеспечивается без исключительного права на все музыкальные материалы, созданные системой.

Основания для применения по аналогии положений о продюсере аудиовизуального произведения к организатору музыкальной записи ограниченны, поскольку звуковая запись не отвечает определению ст. 1263 Гражданского кодекса РФ, а соединение нескольких результатов не означает автоматического применения ст. 1240 того же Кодекса о сложном объекте. Даже при применимости этой нормы организатор должен приобрести права или получить необходимые

разрешения, т.к. его экономическая роль сама по себе не порождает универсального права на все составляющие записи. В силу ст. 1313 Гражданского кодекса РФ исполнителем признается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение как самостоятельный объект смежных прав. Поэтому синтез вокала без человеческого исполнения не порождает у системы прав исполнителя. При преобразовании записи реального исполнения необходимо установить использованные способы и наличие разрешений. Если запись объединяет авторский текст, сгенерированную мелодию и пение человека, отсутствие авторской охраны мелодии не устраняет прав автора текста, исполнителя и изготовителя фонограммы.

Правомерность использования охраняемых материалов при обучении моделей

Правомерность формирования обучающего массива составляет самостоятельный вопрос, при рассмотрении которого в российской литературе сбор, хранение и подготовка произведений к обучению соотносятся с правом на воспроизведение и законными исключениями. Приравнивание этих действий к обычному восприятию произведения человеком признается недостаточным [7, с. 119–121]. В музыкальной сфере отдельно оцениваются произведение, текст и фонограмма, поскольку разрешение на один объект не распространяется автоматически на остальные. Обучение модели представляет собой технологический процесс, отдельные операции которого могут иметь различное юридическое значение. В частности, запись произведения в память устройства подлежит оценке с учётом ст. 1270 Гражданского кодекса РФ, а использование фонограммы – ст. 1324. Исследовательский или некоммерческий характер деятельности недостаточен для применения исключения без соблюдения всех его условий, как и общедоступность материала не означает разрешения на любое использование. Вместе с тем нельзя без технического исследования предполагать, что всякое обучение сопровождается сохранением в модели копий каждого произведения.

Обучение модели, обработка пользовательского материала и генерация звукового материала требуют самостоятельной оценки, поскольку уточнение запроса не тождественно изменению параметров модели, а загрузка чужой фонограммы для преобразования может иметь правовые последствия независимо от обучающих данных. Законность обучения не гарантирует правомерности конкретной записи, но и допущенное при обучении нарушение не образует презумпции неправомерности всех результатов и не обосновывает запрета их распространения.

В европейских исследованиях разграничиваются обязанности по законодательству об искусственном интеллекте и авторско-правовые основания использования произведений [8, с. 2–5]. В ст. 3 и 4 Директивы Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке» различаются анализ текстов и данных для научных исследований определенными организациями и общий режим анализа. Оба режима требуют правомерного доступа к материалам, причем при общем режиме правообладатель может прямо зарезервировать использование произведения. В ст. 53 Регламента Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. № 2024/1689 «Об установлении гармонизированных правил в отношении искусственного интеллекта» предусмотрены обязанности поставщиков моделей общего назначения по соблюдению авторского права и опубликованию достаточно подробного обобщенного описания обучающих материалов. Применимость этих требований зависит от функций поставщика и модели, а их исполнение не заменяет разрешения правообладателя и не определяет авторство на результат. При этом европейские исключения не заменяют российских оснований использования произведений.

Вопросы соблюдения авторских прав при использовании искусственного интеллекта для создания музыки рассматривались Земельным судом Мюнхена I в решении от 31 июля 2026 г. по делу № 42 O 763/25 (GEMA против Suno). Согласно официальному сообщению суда, требования GEMA были преимущественно удовлетворены в отношении шести музыкальных произведений, тогда как нарушения прав на тексты песен не составляли предмета разбирательства. Суд установил нарушения, связанные с воспроизведением произведений при обучении системы, сохранением их содержания в моделях искусственного интеллекта и воспроизведением узнаваемых элементов исходных произведений в звуковых записях, созданных системой. Хотя на дату опубликования сообщения решение не вступило в законную силу, изложенная позиция свидетельствует о значении доказанной связи между использованием охраняемого произведения и содержанием полученного результата. Вместе с тем она не предполагает общего запрета на применение искусственного интеллекта для создания музыки и не позволяет считать любые параметры модели копиями произведений.

При оценке записи необходимо отличать использование охраняемого материала от сходства, обусловленного общими музыкальными средствами. Узнаваемость творческой манеры не создает исключительного права на жанровые или стилистические приемы, хотя обозначение результата как стилизации не исключает воспроизведения охраняемой мелодии, текста либо фо-

нограммы. Сопоставлению подлежат конкретные элементы, составляющие предмет требования, поскольку общий процент сходства и длительность совпадений не образуют универсальных критериев. Экспертное исследование устанавливает фактическую основу сравнения, а юридическая оценка учитывает охраноспособность материала и содержание исключительного права.

Договорное регулирование оборота генеративной музыки

Договор с музыкальным сервисом может охватывать доступ к программе, создание и хранение записей, предоставление прав и сопутствующие услуги. Разрешение коммерческого использования определяет отношения пользователя с сервисом, но не подтверждает существования всех заявленных исключительных прав. Если композиция не отвечает условиям авторской охраны, договор не создаст исключительного права, действующего против неопределенного круга лиц, хотя обязательства по предоставлению доступа, передаче файлов и расчетам, как и право на фонограмму, могут сохранять самостоятельное значение. При распоряжении исключительными правами в соответствии со ст.ст. 1233–1235 Гражданского кодекса РФ необходимо определить объект и принадлежащее стороне право. Отчуждение исключительного права предполагает передачу его в полном объеме, тогда как лицензионный договор устанавливает разрешенные способы использования. Эти конструкции применяются отдельно к фонограмме, музыке и тексту. Договорное условие о передаче всех прав требует установления их принадлежности передающей стороне, которую не заменяют тарифный план или бессрочность использования. Выбор иностранного права для договора также не обеспечивает одинаковой охраны результата во всех государствах.

При распределении договорных рисков следует учитывать сведения, доступные каждой стороне. Пользователь может предоставить заверения об обстоятельствах, относящихся к загружаемым им материалам, тогда как информация о составе обучающего массива и порядке обучения модели обычно находится в распоряжении разработчика. Поэтому условия договора о гарантиях правомерности использования исходных материалов и работы системы должны соотноситься с обязанностями сторон и их возможностями по проверке соответствующих сведений. В договоре целесообразно отдельно предусмотреть заверения о материалах пользователя, правах сервиса и ограничениях использования результата. Недостоверность таких заверений может повлечь предусмотренные договором последствия, но не исключает ответственности перед третьими лицами при наличии установленных законом оснований. Примером согласования интересов служит объявленное Warner Music Group 25 ноября 2025 г. урегулирование спора с Suno. Согласно официальному сообщению Warner Music Group, достигнутое соглашение предусматривает использование лицензированных музыкальных материалов при создании музыки с помощью искусственного интеллекта, а также согласование условий использования произведений, имён, изображений и голосов артистов. Хотя соглашение не подтверждает законности любых действий сервиса, а сообщение не доказывает реализации всех планов, этот пример показывает возможность договорного согласования различных прав и личных интересов.

Передача записи дистрибьютору требует оснований для использования каждого охраняемого объекта, поскольку изготовитель фонограммы может не обладать правами на музыку и текст, а разрешение на произведение не заменяет согласия на фонограмму. В договоре предоставляемые права должны соотноситься с действиями распространителя с учетом того, что загрузка и размещение файла сами по себе не влекут возникновения исключительного права на содержащиеся в нём результаты. Безусловный отказ в размещении нейромузыки из-за использования искусственного интеллекта способен затронуть интересы авторов, поэтому его законность требует оценки конкретных условий договора и применимых императивных норм. Достоверные сведения об участниках записи способствуют установлению их действительного вклада и предупреждению недостоверного указания авторства. Получение дохода может основываться на праве на фонограмму, иных принадлежащих лицу правах либо на договоре.

Защита прав в сфере генеративной музыки

Выбор способа защиты определяется нарушенным правом, причем требования автора текста, изготовителя фонограммы и лица, чей голос имитирован, имеют различный предмет доказывания. К интеллектуальным правам применяются соответствующие положения ст. 1252, ст. 1252.1, ст. 1301 и ст. 1311 Гражданского кодекса РФ, к нематериальным благам – предусмотренные для них способы защиты. В каждом случае необходимо установить право или охраняемый интерес, действия ответчика и условия применения конкретной меры. Требование прекратить нарушение не зависит исключительно от оснований взыскания компенсации и не должно превращаться в общий запрет на использование искусственного интеллекта для создания музыки.

Правовое положение сервиса зависит от его функции в спорных отношениях, при определении которой следует различать размещение пользовательской записи, ее передачу и формиро-

вание звучания собственной системой. Условия ответственности информационного посредника и освобождения от нее по ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ проверяются применительно к конкретным действиям. Дистанционный характер услуги сам по себе не освобождает от ответственности, а сопутствующие услуги не исключают посреднической роли в отдельных операциях, при оценке которых существенны участие в создании материала, осведомленность о нарушении и реакция на обоснованное уведомление правообладателя. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»» оценивалась деятельность торговой площадки. Суд разграничил посредничество и сопутствующие услуги, определил значение уведомления о нарушении и сведений о нарушителе. Поскольку дело касалось предложения товаров с использованием изображений, его выводы не устанавливают специальных правил для создания музыки с использованием искусственного интеллекта. В таких случаях также необходим функциональный подход, предполагающий проверку участия сервиса в конкретных действиях.

Доказательства творческого вклада следует соотносить с заявленным объектом охраны: для текста и музыки значимы предшествующие версии и обстоятельства создания, для аранжировки – содержание переработки. При квалифицированном формировании запросов оценивается выражение заданных человеком решений в результате, тогда как в споре о фонограмме исследуются инициатива и ответственность за первую запись. Владение учетной записью и время загрузки файла сами по себе авторства не подтверждают, как и результаты программной оценки вероятности использования искусственного интеллекта при создании музыки. Для предупреждения споров целесообразно добровольно сохранять сведения об исходных материалах, участниках, использовании искусственного интеллекта для создания звукового материала и первой фиксации звуков, промежуточные версии, существенные задания и договорные условия. Объем документации определяется заявляемыми правами, что не изменяет предусмотренного ст. 1259 Гражданского кодекса РФ отсутствия формальностей возникновения, осуществления и защиты авторских прав. Отсутствие записей о творческом процессе не опровергает законных презумпций и не исключает иных доказательств.

При определении договорных обязанностей по предоставлению сведений необходимо учитывать, какой информацией располагает каждый участник отношений о разных этапах работы с записью. Пользователь знает собственные материалы и действия, изготовитель фонограммы – обстоятельства первой записи, разработчик располагает сведениями об обучении модели, распространитель – об использовании записи. При согласовании состава сведений и взаимодействия при претензиях необходимо учитывать, что полное раскрытие документации может затрагивать охраняемую тайну, а такое соглашение не изменяет установленного процессуальным законом бремени доказывания.

Перспективы специального правового регулирования генеративной музыки

Вопрос о правовой охране музыки, созданной с использованием искусственного интеллекта, следует отличать от вопроса о вознаграждении авторов исходных произведений и исполнителей. В литературе предложена модель обязательных отчислений с поставщиков систем генеративного ИИ, результаты работы которых способны заменить произведения, созданные человеком, с использованием механизмов коллективного управления средствами в интересах авторов без необходимости связывать каждый платеж с доказанным использованием отдельного произведения. При этом допускается исключение для использования искусственного интеллекта как вспомогательного средства творчества [9]. Предложение относится к перспективам регулирования, а введение общего основания таких платежей требует обоснования, включая разграничение содействия человеческому творчеству и его замещения. Представляется разумным воздерживаться от специального регулирования, исчерпывающе определяющего создание и распространение музыки с использованием искусственного интеллекта, поскольку закрепление определенной модели человеческого участия может затруднить развитие технологий и иных способов творчества. Вместе с тем отказ от введения новых общих ограничений не предполагает освобождения участников соответствующих отношений от обязанностей, предусмотренных действующим законодательством, включая требования о добросовестном поведении и соблюдении интеллектуальных и личных неимущественных прав. Изменения должны опираться на выявленные пробелы и оценку имеющихся способов защиты.

Дилемма Д. Коллингриджа отражает противоречие между возможностью влиять на развитие технологии и полнотой знаний о её последствиях. На раннем этапе технологию относительно легко изменить или ограничить, однако ее возможные последствия еще недостаточно изучены. После широкого распространения технологии такие последствия становятся более очевидными, но изменение сложившихся технических реше-

ний, экономических отношений и практик существенно затрудняется [10]. Это указывает на необходимость сохранять возможность пересмотра регулятивных решений. Применительно к музыке, создаваемой с использованием искусственного интеллекта, данный подход предостерегает от преждевременного закрепления исчерпывающих специальных правил при сохранении существующих способов защиты нарушенных прав. Сходные основания имеет концепция А. Тирера, допускающая технологическое экспериментирование при отсутствии убедительных доказательств существенного вреда [11, с. 1–3, 8–10]. В работе М.К. Олхаузен сдержанность регулирующих органов связывается с ограниченностью прогнозирования и необходимостью оценить достаточность существующих правовых средств [12, с. 2–6]. Полагаем, эти подходы позволяют обосновывать свободу музыкального творчества и договорного взаимодействия с применением искусственного интеллекта при эффективной защите от конкретных нарушений.

Заключение

Частно-правовая квалификация нейромузыки предполагает установление состава результата и человеческого участия, принадлежности прав и оснований их предоставления. Квалифицированное формирование запросов, по нашему мнению, может быть достаточным проявлением творческого труда, если взаимосвязанные музыкальные решения человека объективно выражены в результате. Хотя подробное описание желаемой музыки само по себе авторства не подтверждает, ручная доработка не должна становиться обязательным условием охраны, объем которой соотносится с установленным вкладом при сохранении обязанности соблюдать права на исходные материалы. Создание и распространение нейромузыки допустимы при соблюдении гражданского законодательства, положения которого об охране фонограммы, защите личных интересов и договорном согласовании использования материалов позволяют разрешать многие вопросы без общего запрета технологии. Использование таких технологий расширяет возможности творчества для лиц, не располагающих необходимыми средствами для организации исполнения и профессиональной звукозаписи, при этом художественные достоинства музыки не определяют ее охраноспособности. Добровольное сохранение сведений о записи содействует доказыванию прав без дополнительных формальностей, а специальные нормы следует обсуждать по мере выявления проблем, не разрешаемых действующими правовыми средствами.

Список литературы:

[1] Sturm B.L.T., Iglesias M., Ben-Tal O., Miron M., Gómez E. Artificial Intelligence and Music: Open Questions of Copyright Law and Engineering Praxis // Arts. 2019. Vol. 8. No. 3. Art. 115. DOI: 10.3390/arts8030115.

[2] Cao Y. Governing copyright risks in generative music systems: The Suno case in the EU, US, and China // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2026. Vol. 61. Art. 106331. DOI: 10.1016/j.clsr.2026.106331..

[3] Уваркин Г.И. Автономия лица vs. автономность искусственного интеллекта: рассуждения о предпосылках правовой охраны создаваемого ИИ контента // Труды по интеллектуальной собственности. 2026. Т. 57. № 2. С. 124–133. DOI: 10.17323/tis.2026.36351.

[4] Руденко Т.Ю. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в музыкальной сфере // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 55. № 4. С. 124–131. DOI: 10.17323/tis.2025.28907.

[5] Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2021. Vol. 52. No. 9. P. 1190–1216. DOI: 10.1007/s40319-021-01115-0..

[6] Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50..

[7] Бузова Н.В., Лукьянов Р.Л. Квалификация процесса обучения системы искусственного интеллекта с помощью охраняемых авторским правом произведений // Труды по интеллектуальной собственности. 2026. Т. 57. № 2. С. 115–123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350.

[8] Quintais J.P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2025. Vol. 56. Art. 106107. DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106107..

[9] Senftleben M. Generative AI and Author Remuneration // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. No. 10. P. 1535–1560. DOI: 10.1007/s40319-023-01399-4..

[10] Genus A., Stirling A. Collingridge and the dilemma of control: towards responsible and accountable innovation // Research Policy. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 61–69. DOI: 10.1016/j.respol.2017.09.012..

[11] Thierer A. Permissionless Innovation: the continuing case for comprehensive technological freedom. Revised and expanded edition. Arlington: Mercatus Center at George Mason University, 2016.

205 p.

[12] Ohlhausen M.K. The Procrustean Problem with Prescriptive Regulation // CommLaw Conspectus: Journal of Communications Law and Technology Policy. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 1–9.

References:

[1] Sturm B.L.T., Iglesias M., Ben-Tal O., Miron M., Gómez E. Artificial Intel-ligence and Music: Open Questions of Copyright Law and Engineering Praxis // Arts. 2019. Vol. 8. No. 3. Art. 115. DOI: 10.3390/arts8030115.

[2] Cao Y. Governing copyright risks in generative music systems: The Suno case in the EU, US, and China // Computer Law & Security Review: The Inter-national Journal of Technology Law and Practice. 2026. Vol. 61. Art. 106331. DOI: 10.1016/j.clsr.2026.106331..

[3] Uvarkin G.I. Autonomy of the face vs. autonomy of artificial intelligence: reasoning about the prerequisites for the legal protection of the content created by AI // Works on intellectual property. 2026. T. 57. № 2. S. 124-133. DOI: 10.17323/tis.2026.36351.

[4] Rudenko T.Yu. Legal aspects of the use of artificial intelligence in the musical sphere // Works on intellectual property. 2025. VOL. 55. № 4. S. 124-131. DOI: 10.17323/tis.2025.28907.

[5] Hugenholtz P.B., Quintais J.P. Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2021. Vol. 52. No. 9. P. 1190–1216. DOI: 10.1007/s40319-021-01115-0..

[6] Kalyatin V.O. Determination of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 4. S. 24-50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50..

[7] Buzova N.V., Lukyanov R.L. Qualification of the process of training an artificial intelligence system using copyrighted works // Works on intellectual property. 2026. T. 57. № 2. S. 115-123. DOI: 10.17323/tis.2026.36350.

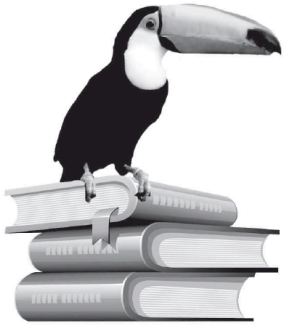
[8] Quintais J.P. Generative AI, copyright and the AI Act // Computer Law & Security Review: The International Journal of Technology Law and Practice. 2025. Vol. 56. Art. 106107. DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106107..

[9] Senftleben M. Generative AI and Author Remuneration // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. No. 10. P. 1535–1560. DOI: 10.1007/s40319-023-01399-4..

[10] Genus A., Stirling A. Collingridge and the dilemma of control: towards re-sponsible and accountable innovation // Research Policy. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 61–69. DOI: 10.1016/j.respol.2017.09.012..

[11] Thierer A. Permissionless Innovation: the continuing case for comprehensive technological freedom. Revised and expanded edition. Arlington: Mercatus Center at George Mason University, 2016. 205 p.

[12] Ohlhausen M.K. The Procrustean Problem with Prescriptive Regulation // CommLaw Conspectus: Journal of Communications Law and Technology Pol-icy. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 1–9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.